

6. Временник Ивана Тимофеева / подг. к печ., перев. и комм. О. А. Державиной ; под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1951. – 512 с.
7. Дворцовые разряды, [по] Высочайшему повелению изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1850. – Т. I. 1612 – 1628 г. – XXXVI с. + 1216 стлб. + XI с.
8. Зимин, А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России / А. А. Зимин. – М.: Мысль, 1986. – 333 с.
9. Зимин, А. А. Опричнина / А. А. Зимин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Территория, 2001. – 448 с.
10. Исхаков, Д. М. Политико-идеологические предпосылки интронизации казахского султана Ураз-Мухаммеда в Касимовском ханстве / Д. М. Исхаков, З. А. Тычинских // Золотоордынское обозрение. – 2023. – Т. 11. – № 2. – С. 397–410.
11. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1991. – 458 с.
12. Корецкий, В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова / В. И. Корецкий // Зап. Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. – М.: Книга, 1977. – Вып. 38. – С. 192–208.
13. Корецкий, В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. / В. И. Корецкий. – М.: Наука, 1986. – 271 с.
14. Корецкий, В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. / В. И. Корецкий // Летописи и хроники. 1980 г. – М.: Наука, 1981. – С. 223–243.
15. Корецкий, В. И. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. / В. И. Корецкий, Б. Н. Морозов // Летописи и хроники. 1984 г. – М.: Наука, 1984. – С. 187–218.
16. Лихачев, Н. П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования / Н. П. Лихачев. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888. – XVI + 559 + 72 + 101 + VI с.
17. Новгородские летописи. – СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1879. – XXIV + 488 с.
18. Отдел Рукописей Рос. Нац. Библиотеки. Собр. СПб. Духовной академии. № 305/1. – 391 л.
19. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. – М.: Художественная литература, 1987. – 616 с., с ил.
20. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. – Т. XIV. – Первая половина. – I + 154 с.
21. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1965. – Т. 29. – 390 с.
22. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1978. – Т. 34. – 304 с.
23. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1987. – Т. 36. – Ч. 1. – 382 с.
24. Разрядная книга 1550 – 1636 гг. – М.: б. и., 1976. – Т. II. – Вып. I. – 241 с.
25. Разрядная книга 1475 – 1605. – М.: б. и., 1994. – Т. IV. – Ч. I. – 138 с.
26. Русская историческая библиотека. – СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1909. – Т. XIII. – 2-е изд. – XXXIV с. + 1472 стлб.
27. Солодкин, Я. Г. Вослед Савве Есипову. Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2011. – 211 с.
28. Солодкин, Я. Г. Земские соборы Московской Руси конца XVI века. Спорные проблемы истории и историографии / Я. Г. Солодкин. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. – 162 с.
29. Тихомиров, М. Н. Русское летописание / М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1979. – 456 с.
30. Тюменское и Сибирское ханства. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 558 с.

Корнишина Г.А.
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ М.Е. ЕВСЕВЬЕВА
КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
О МЕСТАХ ПРОВЕДЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОБРЯДОВ МОРДВЫ

Ключевые слова: М.Е. Евсевьев, архивные материалы, обрядовая культура, моления, почитаемые деревья, водные источники, постройки.

Макар Евсевьевич Евсевьев (1854–1931) – мордовский ученый-энциклопедист внесший огромный вклад в развитие национальной культуры. Он оставил после себя многочисленные рукописные материалы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Мордовия, а также Рукописном фонде Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Наибольшее количество документов составляют многочисленные записи на русском и мордовском языках, сделанные им в 1902–1928 гг. во многих регионах проживания мордвы. В них зафиксированы различные стороны быта мордовского народа, его социальных отношений, особенности языка, фольклора и т.п. В этих материалах имеются и ценные сведения о

обрядовой культуре. Опираясь на данный источниковедческий материал, можно составить представление о обрядовой культуре мордовского народа конца XIX – начала XX в.

В частности, ученому удалось зафиксировать места проведения молений мордвы, в котором они обращались с различными просьбами к своим дохристианским божествам. Из материалов Евсевьева мы узнаем, что моления устраивались в рощах, у отдельных деревьев, водных источников. Например, жители с. Старое Пшенево ныне Ковылкинского района Республики Мордовия после Троицы собирались на моление у старой ивы, а в сентябре во время моления о здоровье и размножении овец – у трех громадных лип [9, л. 5об.–6]. Евсевьев отмечает, что повреждение подобных деревьев считалось великим грехом. Жители д. Кардафлей быв. Городищенского у. Пензенской губ. проводили моление «алашань озкс», на котором главы семей просили богов о здоровье и размножении лошадей, у старой поваленной сосны. Местные жители не смели трогать ее, опасаясь заболеть или подвергнуться какому-то другому несчастью [9, л. 3].

Часто моления проводились у водных источников (рек, родников, озер). Так, жители уже упоминавшегося выше с. Старое Пшенево перед началом посевных работ устраивали моление на берегу небольшой речки Азэр лей [9, л. 6]. Водные источники обычно служили местом для ритуалов, проводившихся на Троицу. Этот период совпадал с временем окончания посевных работ, поэтому основной целью проводившихся молений было обеспечение обильных дождей, которые, согласно мордовским верованиям, обеспечивала богиня воды Вeдь ава. Молитвы обычно сопровождалась приемами симпатической магии. Наиболее распространенными из них являлись разбрызгивание воды по полям, обливание людей и животных, купание. Так на общесельском молении в с. Багана Шенталинского района Самарской области, после молитвы о дожде и плодородии полей трое мужчин приносили из родника воду и обливали ей молящихся. Они кричали: «Пусть бог даст нам дождя!» [7, л. 10].

Богине воды также устраивали и специальные моления в случае засухи или градобитья. Например, в д. Александровка быв. Ставропольского у. Самарской губ., Евсевьев записал легенду о таком ритуале. Жители деревни издавна ходили молиться Вeдь аве на родник Карьга лисьма, но постепенно перестали это делать. И тогда их посевы в течении трех лет стало побивать градом. Когда же они возобновили моление, то градобитье прекратилось [3, л. 46]. В этой легенде отразились представления мордвы о почтительном отношении к древним божествам, в данном случае покровительнице водной стихии, с которыми надо устанавливать доброжелательные отношения. Данная связь подкреплялась принесением даров, в чем отражался принцип: «даю тебе, чтобы ты дал мне» [2, с. 281–282].

В случае засухи устраивали на родниках моления о дожде (пиземе озкс), где в дар Вeдь аве прямо в воду бросали кусочки пищи и лили пиво. После этого мешали воду в роднике землемерной саженью. Делалось это с целью замутить воду в роднике, чтобы от облаков замутилось и небо. А затем «Как тина по возмущении упадет на дно, также бы из облаков упал дождь на землю» [10, л. 41]. Данный обычай является ярким примером имитативной магии «по образу и подобию». Люди стремились повлиять на природные стихии, имитируя их, прибегая к сходству явлений.

Обряд вызывания дождя был тесно связан с культом предков. Существовала вера в то, что умершие родичи могут оказать содействие в ниспослании дождя. Поэтому пиземе озкс часто совершался на кладбище. Часто, после моления обильно поливали могилы водой, которую специально привозили с собой в бочках. Этот обычай и сейчас соблюдается в селе Новые Сосны Клявлинского района и селе Старая Бинорадка Волжского района Самарской области. Только могилы сейчас не поливают, а просто обрызгивают водой, обходя все кладбище [1, с. 84].

Многие моления, связанные как с хозяйственной, так и семейной жизнью мордвы устраивались в жилых и хозяйственных помещениях. Одним из сакральных мест жилища была печь. Именно под ней по поверьям мордвы, обитало божество дома Куд ава. Когда семья переселялась в новое жилище, хозяйка брала с собой золу из старой печи и клала ее в загнетку новой. При этом она просила Куд аву: «Хозяйка дома! Как в старом доме нас оберегала, так оберегай и на новом месте» [11, л. 5об.]. Печке, как и всему связанному с огнем, приписывали очистительные функции. До сих пор у мордвы участники похоронной процессии по возвращении с кладбища заглядывают в печь, чтобы не бояться покойников. Раньше, как пишет Евсевьев при этом, обращались к покровительнице печи с такими словами: «Каштом ава матушка, возьми со своим дымом печаль моего сердца» [4, л. 34].

Значительна роль печи и в свадебных обрядах. Около нее просватанная девушка исполняла последние причитания в родном доме, прощаясь с ним и родными. По приезду в дом жениха молодую также сразу же подводили к печке, представляя ее домашним божествам: «Каштом ава, матушка! Молодую взяли, будет теперь перед тобой ходить, полюби ее!» У печки молодую нарекали новым именем, которое служило знаком ее принадлежности к новой семье и указывало ее положение в ней [6, л. 16–17].

Еще одним значимым местом избы был передний («красный») угол. Именно здесь стоял стол, за который сажали самых почетных гостей, молодоженов. В переднем углу проводили семейный молян перед началом посевных работ. Вечером все члены семьи запирались в избе, хозяин зажигал свечу и клал под образами горсть зерен из предназначенных для сева. Затем он усердно молился об успешном севе, просил богов уродить хлеб не только для себя, но и на долю нищих и безродных стариков [5, л. 5]. Здесь же проводилось моление во время так называемого «обряда знакомства» новорожденного ребенка с родственниками и соседями, которое устраивали родители ребенка. Все гости приносили с собой кашу, над которой повитуха произносила следующую молитву: «Дай ему счастья, награди его хлебом, солью... Сколько в каше крупы и соли, дай ему столько века и счастья...» [10, л. 19].

Особое внимание во время домашних молений уделялось дверям. Под порогом двери по верованиям мордвы, якобы, обитало еще одно домашнее божество Керень шочконь паз (хранитель бревен избы). Считалось, что подобно русскому домовому, он «помогал» хозяевам в домашних делах, за это хозяйки вечером оставляли под порогом еду для него. Туда же, перед началом всех семейных молений, клали и ознома пель (божью долю): кусок хлеба, кашу, а также лили пиво. На пороге, как правило, все домочадцы встречали большие праздники. Например, на Пасху хозяева дома, стоя перед открытой дверью, говорили: «Наша дверь открыта для тебя!». Здесь же через неделю хозяйка провожала матушку – Пасху с хлебом и другими кушаньями: «Иди, Пасха-матушка, мы провожаем тебя, приходи к нам в будущем году ... Пусть растет наш урожай, дай хорошего здоровья, преумножь наш скот и все наше состояние, чтобы мы могли хорошо встретить тебя в будущем году» [7, л. 10]. То есть двери, и порог дома были своеобразной границей, отделяющей жилище от внешнего мира.

Многие обряды, особенно животноводческие, проводились во дворе. Его сакральным центром считалось так называемое «чистое место», где по верованиям «обитал» покровитель двора Кардаз сярко. Здесь для него рыли ямку, которую в обычные дни закрывали большим камнем. Как правило, именно на этом месте проводились моления дворовым божествам. Во время них духам двора в ямку спускали кровь жертвенных животных и бросали куски пищи. Здесь же просватанная девушка исполняла свои причитания, прощаясь с родным домом и его покровителями. А в доме мужа на «чистом месте» молодую представляли «хозяевам» двора супруга и его умершим предкам [6, л. 25; 7, л. 18].

Богине двора молились также в хлевах, конюшнях и других животноводческих помещениях. Например, здесь осенью, после возвращения стада с летних пастбищ на зимовку, устраивали кардаз озкс – моление покровителям двора и скотоводства Кардаз аве и Кардаз сярко. В молении принимали участие лишь женщины и дети. Мужчины на это время уходили из дома и возвращались лишь к началу трапезы. Участницы просили покровительницу хлева сохранить животных от болезней и падежа, благополучно дать ему перезимовать. В жертву божествам забивали овец или птицу, а также пекли блины и пироги. Часть еды клали в миску для «угощения» дворовых богов. Ее на несколько дней вешали на матицу, затем еду отдавали животным. В каждый угол хлева клали по пирогу [7, л. 18].

Проводились различные обряды и в других хозяйственных помещениях: на гумне, в овине, бане, на пчельнике и т.д. На гумне и в овине, покровители которых были связаны с земледельческой обрядностью, устраивались моления перед началом сева, а также перед обмолотом снопов. На них люди просили божеств уродить хлеб и сохранить его, а затем уберечь зерно от огня во время сушки.

Немало обрядов проводилось и в бане. Культ Баня авы (хозяйки бани) был тесно связан с водой. Ей приписывались очистительные и лечебные функции, в бане люди лечились от многих болезней, а также очищались от грязи. Так весной в бане проводили ванькс озкс (моление очищения). К порогу ставили молочный суп и молили божество бани беречь строение от огня, смыть грязь и черноту с людей. Тесно была связана она и с родильным циклом. Считалось обязательным трижды вымыть роженицу и новорожденного в бане, где проводились многие обряды, направленные на обеспечение младенцу здоровья, богатства и долголетия. Определенную обрядовую роль играла баня и в свадебном ритуале. Здесь невеста прощалась со своим девичеством, а в семье посещение первый раз бани было своеобразным ее «вхождением» в круг женщин новой семьи. Она одаривала своих новых родственниц, а также Баня аву. Молодая женщина просила защищать ее в супружеской жизни от всего нехорошего и всегда смывать черную грязь с тела. Во время поминок также обязательно топили баню, в которой мылись как все приглашенные, так и якобы присутствующие в этот момент в доме покойные предки. На Пасху топились специальная баня предков – покштень-бабань баня, где для умерших готовилась одежда и пища. В нее приглашались не только покойные сородичи, но и усопшие сироты, нищие, бездомные [4, л. 33–34; 5, л. 9; 7, л. 41].

Таким образом, архивные материалы М.Е. Евсевьева содержат ценную информацию о традиционных местах проведения различных обрядов мордвы. Местами общественных ритуальных действий были рощи, почитаемые деревья, водные источники. Обряды, связанные как с хозяйственной, так и с семейной жизнью людей, проводились в жилых и хозяйственных постройках. До настоящего времени важным обрядовым центром мордовских селений являются кладбища. Они служат не только местами семейных и общественных поминовений покойных родичей, сюда по-прежнему в случае засухи приходят молиться о дожде, знахарки приводят больных людей.

1. Корнишина, Г. А. Социально-обрядовая роль и формы организации половозрастных контактов мордовского населения Самарского края в первой половине XX в. / Г. А. Корнишина // Финно-угорский мир. – 2017. – № 1. – С. 78–85.

2. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль. – М. : Атеист, 1930. – 337 с.

3. Рукописный фонд НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Л-3.

4. Рукописный фонд НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Л-52.

5. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 42.

6. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 44.

7. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 46.

8. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 81.

9. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 90.

10. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 248.

11. Центральный государственный архив Республики Мордовия. – Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 312.